

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ В РАБОТАХ ДЕБОРИНЦЕВ¹

Развитие философии в нашей стране во второй половине 1920-х годов остается пока что практически неисследованным. Распространенным является представление о прекращении философского развития в стране после высылки в 1922 г. за границу религиозных философов. Между тем этот период оказывается на деле временем расцвета профессиональной философии в России. Расцвет этот связан был прежде всего с деятельностью академика Абрама Моисеевича Деборина и его школы, так называемой школы диалектиков. Изучение философских работ этого периода открывает целый мир, богатый мыслями и идеями.

Заслугой деборинцев стала защита самостоятельности и достоинства философии в первые послереволюционные годы. Затем, с середины 1920-х годов, началось интенсивное развитие философских исследований, организационным оформлением которого стало создание впервые в России в 1928–1929 гг. академического Института философии. В 1930 г. представители деборинского руководства института приняли участие в VII Всемирном философском конгрессе в Оксфорде. На подходе была реализация замысла многотомной «Философской энциклопедии». Однако во 2-й половине 1930 г. весь этот процесс был насильственно прерван Сталиным и его подручными – Митиным, Юдиным, Константиновым и др. Их целью стала ликвидация философии как области самостоятельной теоретической мысли, превращение ее в инструмент идеологического обслуживания политики вождя и канонизация этого вождя как величайшего философа. А. М. Деборин и его сторонники были изгнаны из Института философии. Самому Деборину запретили писать по философским вопросам, а его учеников начали подвергать репрессиям. В результате в 1936–1938 гг. подавляющее их число было уничтожено.

¹ При поддержке РГНФ, проект № 09-03-00611а.

Деборинцы оставили целый ряд ярких и интересных философских работ, которые вплоть до периода перестройки находились под запретом, а затем, с начала 1990-х годов были преданы намеренному забвению уже по другой причине – как марксистские. Освоение оставленного деборинской школой идейного богатства должно быть важной составной частью объективного изучения истории философии в России.

Нужно прямо сказать, что вопросы философии культуры не были сильной стороной философов деборинской школы. Свои выдающиеся работы эти авторы посвятили теории диалектики, истории философии и философским проблемам естествознания. Но, безусловно, лидеры этого философского направления не могли обойти своим вниманием вопросы философии культуры.

Примечательно, что одна из самых первых публикаций А. М. Деборина была посвящена проблемам культуры. Это статья «Революция и культура», помещенная в теоретическом органе германской социал-демократии *Die Neue Zeit* в 1907 г.² В ней автор дает критику обыденного противопоставления культуры как процесса созидания и революции как силы разрушительной. Он рассматривает это противопоставление как недиалектичное, ибо всякое изменение, движение вперед содержит в себе момент отрицания; если же мы имеем дело с ускоренными и сокращенными изменениями – то это и есть революция. Как же в таком случае Деборин понимает культуру? Диалектически, через гегелевскую категорию становления. Культура – это общественные формы человеческого сотрудничества, взятые в их изменении. Смысл культуры он усматривает в историческом процессе освобождения человечества от зависимости от природы и от социального отчуждения. Все в большей степени человечество овладевает силами природы, возлагает бремя труда на технические средства и открывает простор для человеческой свободы и самосовершенствования.

Соответственно этому Деборин оценивает и роль политических революций как разрешение накопившихся противоречий. Они несут с собой разрушение, но вместе с тем устраняют ограни-

² *Revolution und Kultur. Ein Kapitel zur Philosophie des Marxismus // Die Neue Zeit. 1906–1907. № 24. S. 802–810.*

чения, существующие на данной стадии развития, и вовлекают все более широкие слои человеческой массы в историческое творчество, продуктом которого становятся новые формы труда и жизни, новый, в перспективе более высокий, уровень культуры. Существенно отметить, что социалистическую революцию Деборин расценивает как борьбу за общечеловеческую культуру.

Вопросам философии культуры академик Деборин посвятил специальную статью и в период максимального расцвета школы диалектиков. В статье, опубликованной в 1927 г., он также связывает сущность культуры с овладением человеком природой, с непрерывным ростом его знания и технических возможностей³. Человек подчиняет себе природу, следуя ее законам, познавая их и применяя их при создании из природных материалов искусственной среды.

Трактовка культуры Дебориным явно полемична. Она направлена против любых идеалистических подходов к культуре, искусственно противопоставляющих привнесенный в человека дух природе и сводящих культуру к некоей фактически сверхчеловеческой духовности. Известно, насколько популярны такие интерпретации культуры. Нет необходимости называть здесь имена и приводить примеры философских направлений. Важнее указать на их общую особенность: отождествление всякой материализации, опредмечивания с отчуждением. Идеалистические интерпретации культуры ведут к ее беспредметному пониманию. Человек берется здесь как данность, он лишь наделяется духовностью из божественного источника.

Преимущество марксистской трактовки культуры Деборин видит в ее историзме и акценте на человека. Начало человеческой истории совпадает с началом культуры. История культуры как история преобразования природы человеком, история его предметной деятельности есть вместе с тем история становления человека как человека, его самопреобразования, ибо превращая фрагменты реальности в предметы своей деятельности, человек тем самым сам становится для себя предметом деятельности.

Диалектика преобразования природы и самопреобразования человека составляет движущее противоречие культуры. Освоение

³ Деборин А. М. Марксизм и культура // Революция и культура. 1927. № 1. С. 8-16.

природы имеет свою интеллектуальную и практическую стороны — науку и технику. Развитие общества выступает как усложнение культуры, которое идет через взаимодействие противоположно направленных тенденций — разделения труда и централизации.

В результате на достаточно развитой, капиталистической стадии это усложнение воспроизводит человека как «частичного работника» при том, что открываются, становятся видны перспективы целостного самораскрытия человека. Последнее противоречие оказывается самым существенным для современной эпохи. Это противоречие недоразвившейся органической целостности, это противоречие общества, в котором человек вследствие сохраняющегося отчуждения не может овладеть своими развившимися возможностями и тем самым стать целостным человеком, восстановить себя до целостности.

В этом смысле строительство социализма понималось Дебориным не только как материально-производственный процесс, но и как процесс создания нового человека. Критерием появления нового человека можно считать всестороннее участие широких масс трудящихся в деле управления и развития хозяйственной и культурной жизнью общества. Социалистическое общество, писал Деборин, овладевает условиями собственной жизни человека, сознательно регулируя их в соответствии с потребностями людей и законами природы.

С учетом современного опыта развития России можно, например, полностью абстрагироваться от политических аспектов этой проблемы, от вопроса о формационном выборе и т. п. Несомненно лишь то, что пока человек будет чувствовать, что от него ничего не зависит в той деятельности, которую он осуществляет, он будет несчастен.

На наш взгляд, сохраняет свое значение идея Деборина о том, что превращение природы в ходе человеческой деятельности в предмет практики приводит не только к созданию искусственной среды, к «культивации» природы, но и к овладению всеми видами материи, к «натурализации» культуры, к высвобождению ее из плена религиозно-мистических фантазий.

По вопросам философии культуры писали такие видные представители школы диалектиков, как ученики и соратники Деборина И. К. Луппол и Г. К. Баммель.

Академик Луппол в одной из своих работ⁴ вспоминает определение культуры, данное известным историком М. Н. Покровским: «Культура есть совокупность всего созданного усилиями человека в противоположность тому, что даром, без усилий с нашей стороны, дает нам природа». Это определение, фиксирующее культуру как искусственную среду, объединяет материальную и духовную разновидности культуры. Однако Луппол обратил внимание на то, что в этом правильном по существу определении присутствует опасность смешения духовного с сознательным. При таком ограниченном толковании из области культуры выпадут привычки, навыки, обычаи, т. е. то, что составляет сферу быта и нравов. Весьма ценна идея И. К. Луппола о том, что духовную культуру создают не только сознательные и осознаваемые усилия человека, но усилия, затрачиваемые бессознательно, в среде повседневности. Луппол даже полагает, что суть культуры составляют именно привычки, быт и нравы в большей степени, чем наука, литература и искусство. Причем эти привычки и нравы, понятые как основа культуры, составляют, по Лупполу, непрерывную нить, разрывы в которой опасны для культуры. Становление новой культуры должно поэтому означать не искусственное изобретение каких-либо культурных форм, а разматывание этой непрерывной нити через максимальное освоение существующих форм все более и более широкими массами населения. Ссылаясь на Ленина, Луппол высмеивает тех деятелей, которые пытались сконструировать некую особую пролетарскую науку и пролетарскую культуру. Он показывает антиисторичность подобных попыток. В особенности уместной эта критика была потому, что популярное в начале 1920-х годов движение Пролеткульта возглавлялось А. А. Богдановым и его единомышленниками — давними философскими противниками Ленина, Плеханова, Деборина, а в 1920-е годы — и деборинской школы. Вывод Луппола о том, что недопустимо утверждать, будто существуют две естественные науки — одна буржуазная, а другая пролетарская, был весьма важен и в свете последующей идеологизации советской науки.

⁴ Луппол И. К. Проблема культуры в постановке Ленина // Печать и революция. 1925. № 5-6. С. 1-19; № 7. С. 14-28.

Деборин и Луппол были единственными советскими философами-марксистами, кто сразу же отметил мысль Ленина, высказанную им в «Государстве и революции», что новое коммунистическое общество станет реальностью, когда люди научатся самостоятельно управлять общественным производством и привыкнут соблюдать основные элементарные правила человеческого общежития. Этот процесс должен сопровождаться отмиранием политических, демократических форм. Они подчеркивали общечеловеческое значение коммунизма, общества, освобождающего человека от всякого насилия, физического, административного и экономического. Люди смогут прийти к этому обществу, преодолев отчуждение, взаимную борьбу за блага. Погруженные в эту борьбу, люди не в состоянии овладеть своими собственными общественными отношениями. Эти отношения отделяются от людей в виде внешней силы, давящей на них — в лице бога, государства или экономической необходимости. Чтобы достичь неотчужденного, собственно человеческого существования, надо всего лишь стать в полной мере культурными людьми, для которых привычкой станет соблюдение элементарных правил человеческого общежития, т. е. общечеловеческой морали. В нашей стране люди не смогли научиться управлять своими общественными отношениями и соблюдать самые общие нормы культуры, и эта неудача сделала возможной сталинскую диктатуру, реставрировавшую все мерзости чиновничьего произвола и хамского отношения к человеку, тянущиеся из старой России, а ныне привела к установлению жестокого по отношению к человеку общества зависимого капитализма.

Один из наиболее талантливых и плодовитых диалектиков Г. К. Баммель в своих работах анализировал современные ему западные веяния в области культуры и искусства, в том числе тенденции возрождения религиозности, развития форм участия трудящихся в управлении и иных культурных особенностей западного общества⁵. Баммель отмечал реакционный характер воззрений Томаса Манна, высказанных им в статье «Культура и социализм» (1928). Им в аспекте философии культуры проанализированы такие направления западного искусства, как дадаизм и экспрессио-

⁵ Баммель Г. К. Социализм и культура // Революция и культура. 1928. № 14. С. 62–65.

низм⁶. Отказ от логики, релятивизм, антиинтеллектуализм, внерациональность, которых требует дадаизм, есть проявление болезни западного общества, болезни нигилизмом, который в философии нашел свое выражение в философии жизни. Дадаизм означал отказ от памяти, вменяемости, от прошлого и от будущего. Современный постмодернизм, как видим, не несет с собой ничего нового, а лишь воспроизводит давно диагностированную болезнь. То же относится и к экспрессионизму, который был проанализирован Баммелем на материале немецкого журнала *Der Sturm*. Он отмечает в качестве ведущей такую черту экспрессионизма, кубизма и футуризма, как подавляющее преобладание выражения над содержанием, преобладание столь сильное, что сфера содержания стремится к нулю. В результате искусство отказывается от естественного человеческого восприятия как от своего исходного пункта — от перспективно-пространственного единства, от естественной закономерности в соотношении величин и фигур вещей, шире говоря, от наследия Возрождения и Просвещения. Из разрушенных деформированных частей материи искусство конструирует нечто, что заведомо не может стать целостностью, как у Пикассо, а с цветом перестает обращаться как с характеристикой реальных объектов, что приводит к голой раскрашенности, как, например, у Кандинского. Это искусство жаждет интуитивного прозрения, но достичь его хочет ценой отказа от предметности. «Это не случайно, что Кандинский, один из лучших представителей абстрактного экспрессионизма, — писал Баммель, — любит сравнивать экспрессионистское переживание формы с беспредметными, но строго формальными “выражениями” в музыке. Музыкальность чистой психики — вот основной объект всех “творческих” чаяний экспрессионистов. Музыкальную стихию психической жизни экспрессионизм стремится охватить, утверждая себя как впервые образующее мир начало, подобное сотворившему мир Богу»⁷. Раз вещь создается не на основе отражения внешнего мира, а из свободного переживания формы, основой философии такого искусства становится оккультизм и эзотеризм. Неспособность или сознательный

⁶ Печать и революция. 1922. № 6. С. 294–295, 301–303.

⁷ Там же. С. 302.

отказ обладать «предметом» означает не деле перенапряжение эмоциональных и волевых сил духа, который не может воплотиться беспредметным образом. «“Чистая психика”, к которой рвутся экспрессионисты, умирает прежде, чем доходит до полного самосознания,— констатирует Баммель.— “Музыкальность” психики разрешается в линии, плоскости, фигуры, колесики, шарики, конусы, квадраты, треугольники и плоскости»⁸. Распадающееся искусство не видит, что содержанием форм и является психика действующего в мире человека, человеческая душевная жизнь во всей ее «музыкальности».

Судьба Луппола и Баммеля, как и прочих философов деборинской школы сложилась трагично в годы сталинизма. В феврале 1937 г. Григорий Константинович Баммель (Меликов) был арестован и в апреле 1938 г. осужден Особым совещанием при НКВД СССР к восьми годам заключения. Он содержался в Севвостлаге НКВД СССР и умер 10 октября 1939 г. в бухте Нагаево Дальневосточного края. Академик Иван Капитонович Луппол был арестован в феврале 1941 г. и приговорен к расстрелу. С октября 1941 г. он содержался в камере смертников Саратовской тюрьмы в одной камере с Николаем Ивановичем Вавиловым. В 1942 г. он был отправлен в Мордовские лагеря, где умер от голода 26 мая 1943 г.

Философы деборинской школы боролись не только за атеизм, материализм и коммунизм в идеологии, но и за рационализм и гуманизм в философии культуры. Это те ценности, которых сегодня в условиях перманентного кризиса постмодернизма так не хватает и культуре, и общественному сознанию. Человек не может созидать в условиях дезориентации, не веря в свои силы и надеясь лишь на чудесное избавление. Некоторые идеи деборинцев устарели, так как время изменилось. Но общая тенденция их философии культуры, продолжающая традиции Возрождения и Просвещения, является хорошим противовесом постмодернистскому цинизму, релятивизму, алогичности и беспамятству.

⁸ Печать и революция. 1922. № 6. С. 302.